

«Эта война не для нас»

23 февраля 2024

В 2015 году муж жительницы Луганской области Ольги Дубовик пошёл в ополчение, потому что переживал, что его посчитают трусом. Его ранило, и через год он умер в больнице, но выплат за его смерть Ольга так и не получила. В 2022 году, когда снаряд упал рядом с её домом в Артёмовске, женщина уехала в Подмоскowie вместе с младшим сыном и братом. У обоих инвалидность, поэтому Ольге всё время приходится за ними присматривать. Денег остро не хватает, и старший сын Ольги думает поехать воевать в Украину, чтобы обеспечить младшего брата необходимыми лекарствами. Журналист Александр Лисичкин специально для «Новой вкладки» рассказывает историю семьи, для которой бедность и война стали новой нормой жизни.

Ольга Дубовик с самого утра в суете: бегала на почту, отправляла тест-полоски для глюкометра незнакомой женщине, «которой нужнее». Ольга привыкла добывать еду, выбивать соцвыплаты, ухаживать за младшим сыном и братом — у обоих инвалидность.

В арендованной двушке в Подольске она живёт с сыном Георгием и братом

Анваром больше года — с тех пор, как они оставили родной [Артёмовск](#) в Луганской области и стали беженцами.

Под потолком прихожей болтаются двадцать перламутровых воздушных шаров, ещё столько же — в комнате слева по коридору: у Ольги недавно был день рождения, 49 лет. В комнате на кровати под двумя толстыми одеялами лежит 21-летний Георгий. Ольга вспоминает конец апреля 2002 года, когда у неё уже отошли воды, а врачи местного роддома говорили: «Лежи, природа сама распорядится, когда тебе рожать». Природа распорядилась: Георгий нас слышит, но не говорит и не двигается. У него сахарный диабет, [гидроцефалия](#), [эпилептический синдром](#).

Ольга поправляет сыну подушку и показывает на бритую голову: «Карта мира. У нас было две трепанации черепа, шесть раз делали шунтирование». По вискам и макушке Георгия ползут реки-шрамы. Утром у него был эпилептический приступ.

Брата Ольга «отправила гулять». У Анвара психическое заболевание — олигофрения. Был вариант положить его в больницу, Ольга отказалась: «Я же не знаю, что ему там будут колоть».

Раньше ей помогали муж Олег и старший сын Володя. Теперь всё на Ольге. Она говорит, что жизнь стала борьбой, хотя до 2014 года жилось хорошо, «была стабильность». А потом началась война, муж погиб, Ольга стала беженкой.

Война

Ольга и Олег учились в одной школе в Артёмовске, но в то время не были знакомы. Олег был старше, он родился в Ростовской области, но семья вскоре — это был конец 1960-х — переехала в Украину. После восьмого класса Олег пошёл работать, потом в армию. Ольга окончила поварское училище, работала на рынке в хлебном киоске. Они познакомились в 1996 году на автобусной остановке. Через три года родился старший сын Володя, после сыграли свадьбу. В 2002-м родился Георгий.

После одной из операций, которые перенёс Георгий, Ольге сказали, что он вряд ли выживет, «а вы молодая, ещё родите»

Олег работал водителем грузовика, возил уголь и песок, ему платили «нормальные деньги», вспоминает Ольга. Сама она занималась домом. Олег ей сразу сказал: «Никакой работы». Ольга не возражала.

Ни случившийся в Киеве зимой 2013–2014-го Евромайдан, ни последовавшее за ним присоединение Крыма к России в жизни Ольги ничего не изменили. Когда в мае 2014 года она услышала на улице от какой-то женщины: «Скоро начнётся война», решила, что та сошла с ума. Но летом пошли разговоры, что отменят пособия по инвалидности, которые получал Георгий. Ольга позвонила подружке в собес, та подтвердила, что в июле выплат уже не будет.

Закрылись банки, госучреждения. Олег работал на частном известковом заводе водителем, там ещё платили. На улицах стали появляться военные, полетели самолёты с бомбами, люди заклеивали окна скотчем. У Ольги и Олега была дача с подвальчиком — «избушка на курьих ножках», семья переехала туда. Выручило, что весной, «когда ещё не знали, что будет война», посадили буряк, морковь, картошку, чтобы земля не пустовала. На завтрак, обед и ужин ели винегрет, из вишни Ольга варила компот.

Достать хлеб было трудно, но запас инсулина для Георгия ещё был.

Ольга мечтает, чтобы её младший сын ни в чём не нуждался. Переезд в Россию в этом не помог

«Держать сахара» у сына — главная задача, которая была у Ольги. Если сахар падал слишком низко, мальчик мог впасть в кому. Тест-полоски закончились, Ольга стала экономить: измеряла уровень сахара, только когда сыну было совсем плохо.

Однажды Олегу позвонили знакомые мужики: «Не хочешь встать на защиту Родины?»

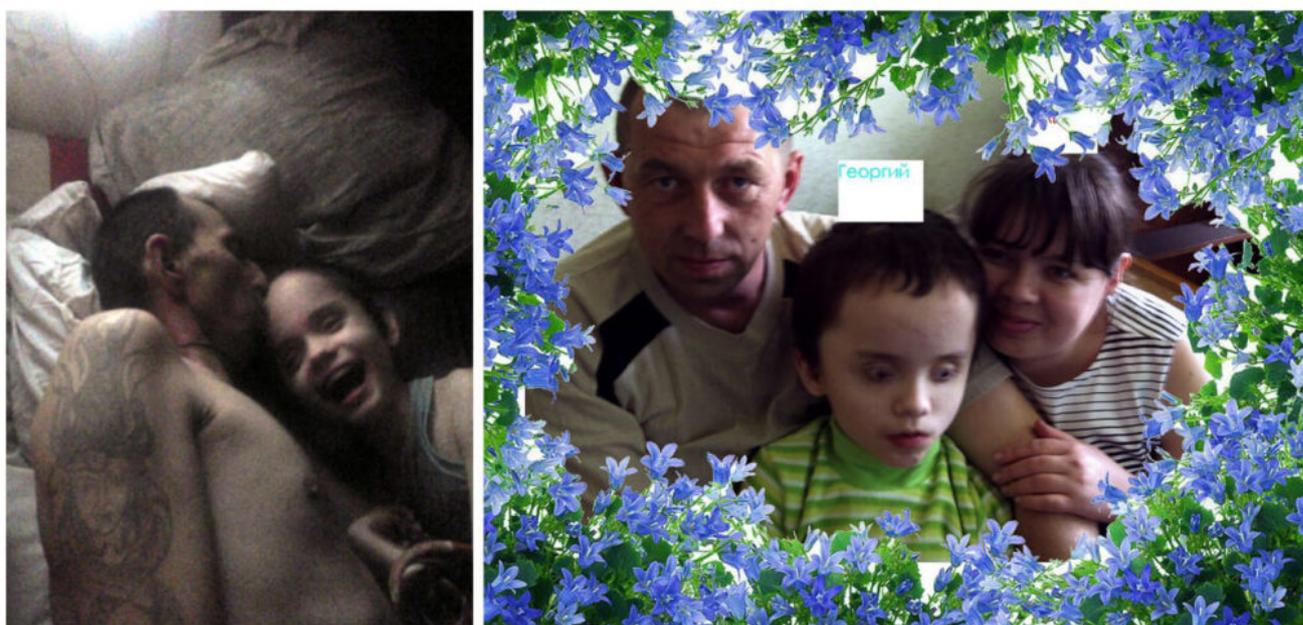
Ольга вздыхает. Она до последнего не верила, что война коснётся их семьи: «В Киеве-то понятно, а мы каким боком здесь?»

Она признаёт, что их никто не ущемлял по языковому признаку: в магазинах, банках — все говорили на русском.

— В школе изучали украинский, но он нам никогда не нравился, мы на нём разговаривали только на уроках, когда учитель требовал стих рассказать. Мы всегда разговаривали на русском — я не знаю вообще, к чему это всё и зачем! Не наш народ это придумал.

На вопрос, почему, по её мнению, началась война, Ольга отвечает: «Украина хотела, чтобы мы только на украинском языке разговаривали, а мы были не согласны. И Украине кто-то дал команду, что должен случиться переворот».

Олег ходил напряжённый и говорил семье, что нужно быть готовыми ко всему. Друг предложил ему поехать в Москву поработать на стройке, Олег отказался: «Как я буду выглядеть в глазах нашего народа, друзей, мужиков?»

Георгий был счастлив с отцом. Когда Олег умер, сыну об этом не сказали. Осенью 2014 года Олег пошёл в ополчение — водителем. Ольга говорила: «Нахер тебе это надо?» «Обещают российские паспорта», — отвечал муж. Сначала патрулировал улицы, следил, чтобы люди соблюдали комендантский час, «охранял население». Денег за участие в ополчении Олег не получал — только однажды принёс откуда-то мешок картошки и мешок лука. Иногда он приходил домой потрясённый, но ничего не рассказывал: «Я бы сейчас накатил стопарик». Ольга видела, что мужа что-то тревожит, но возражала: «Нельзя, тебе утром за руль».

Весной 2015 года Олег перевёлся в казачий полк под руководством [Николая Козицына](#) и стал официально числиться в механизированной бригаде. Пересел на [«Град»](#). Работал сутками, иногда забегал на обед, Ольга готовила вареники с картошкой: «В судочек наложу — он всю бригаду накормит».

Спустя полгода, когда Олег вёз снаряды со склада, машина подорвалась

на mine. Олегу раздробило ступни, его повезли в больницу города Стаханова, путь занял 40 минут. Ольге выдали список необходимых лекарств — «где хочешь, там и бери». В больнице нужных препаратов не было, из-за этого Олега не брали на операцию, хотя он потерял много крови. Что смогла найти в аптеках, Ольга купила, остальное откуда-то привёз командир Олега.

Олегу в ногу поставили пластину и через месяц перевели в районную больницу в Перевальск, поближе к дому. Ольга ездила туда на автобусе, чтобы переодеть и помыть мужа. Когда ещё через месяц Олега выписали домой, он передвигался на кресле-коляске. Ему дали вторую группу инвалидности на год и пособие — пару тысяч рублей.

Смерть

В съёмную квартиру Ольги заходит арендодатель: хочет починить кран на кухне и заодно проверить, всё ли в порядке. Ольга разговаривает с ним громко и нарочито весело, немного суетится. Когда мужчина заходит в ванную, она, понизив голос, продолжает:

— Анвар, Олег, Георгий, горшки, утки — всё это было на мне. Свекровь приезжала только по выходным: «Справляешься?» Когда было сильно тяжело, пойду в огород — там у нас лавочка была, ещё дедушка делал, — сяду, заплачусь, умоюсь, приду как ни в чём не бывало. Потом, когда Олег уже при смерти был, говорил: «Ты думаешь, я не видел, как сложно тебе было? Как я себя грыз изнутри, что обрёл тебя!»

Ольга ощущает себя как в замкнутом круге: она хочет работать, чтобы обеспечить Георгия всем необходимым, но не может, потому что тогда будет некому о нём заботиться

Олегу сказали не нагружать ногу, но он вставал, уходил возиться в гараже. «Натрудит ногу — она отечёт. И пошли проблемы — воспаление, заражение. Доктор говорит: у него там уже букет начинается, отёк мозга пошёл, прогнозы очень плохие. Переправлять его в другие города нет возможности, наберись терпения и жди».

Олега отправили в Луганск, прооперировали ногу, но открылась залеченная язва желудка, пришлось удалить часть желудка, потом поджелудочную. Когда 26 ноября 2016 года Ольга приехала навестить мужа, Олег её почти не узнавал, сказал только: «Заберите меня домой». Ольга расплакалась и ушла в коридор. Олег умер в реанимации 2 декабря. Ему было 48 лет.

На прощании возле подъезда, куда привезли гроб с телом, было много военных и одноклассников: «Олег был знаком со всеми». О том, что папа умер, Георгию не сказали, но когда гроб стоял под окнами квартиры на пятом этаже, мальчик вдруг начал хохотать. «Это папа к нему пришёл попрощаться», — решила Ольга.

У Ольги на руках остались две справки: что Олег с апреля 2015 года проходил военную службу и что он был ранен. Через пару месяцев после похорон Ольга подала в собес документы на получение компенсации за смерть мужа, но комиссия ей отказала — мол, «бытовая травма».

Ольга достаёт с полки бумаги, бормочет: «Получил ранение при выполнении боевого задания, находился на лечении, денежное довольствие не получал...» Ну шо тут непонятно? Вот, смотри, мокрая печать — всё как положено. Я с этими справками куда только ни ходила — им насрать«. Через три месяца после смерти мужа Ольга продала его машину: «Жорочкина пенсия была 3800 российских рублей, у брата — полторы тысячи. Как выживать?»

Ольга молится о том, чтобы ей самой хватило здоровья, потому что она отвечает за жизни сына и брата

Однажды Ольга пришла к командиру Олега, попросила памперсы для Георгия: «Я знала, что у них есть выход на магазины и аптеки, им на склады приходит гуманитарка». Командир ответил: «Знаю, что у вас горе, Олег был хорошим товарищем, но помочь ничем не могу».

Ольга откладывает документы, рядом на столе стоит фотография: лето,

женщина, цветы. «Это я в том далёком прошлом. Это наша дача, там такие розы».

После смерти мужа, говорит Ольга, семья с трудом сводила концы с концами. Гуманитарную помощь — продуктовый набор или средства гигиены — выдавали раз в несколько месяцев.

Помощи у родственников Ольга старалась не просить: те сами выживали как могли: «Зарплаты маленькие, работы толком нет, социальная поддержка хромала». У сестры Ольги, которая жила в Донецке, дом был разрушен после обстрелов.

Иногда Ольга подрабатывала — ухаживала за стариками. Георгия брала с собой. «Лишнего себе не покупали, всё внимание было на питании Георгия, а мы обходились. От государства обещаний было много, но пока не постучишься в двери и не заявишь о себе, помощь никто не предложит. Такое у нас государство. Я старалась не опускать руки, по возможности не болеть и экономить».

Во время особенно сильных обстрелов семья перебиралась на дачу, поближе к подвалу. Топили печку запасом дров, а заодно экономили электричество в квартире.

Тем временем старший сын Володя окончил школу, поступил в институт на психолога в Луганске, но уехал на заработки в Москву. Ольга не хотела его отпускать, но перечить не стала. Через два месяца Володя вернулся, перевёлся на заочное и снова уехал — работать в Крым. Ольга не удерживала сына: «Это был его выбор».

Москва

Ольга заваривает растворимый кофе, достаёт самолепные пирожки. За окнами первого этажа проступают оранжевые точки — рябина. Дворы с утра не чищены от снега.

На холодильнике — магнитик с фотографией племянницы Элины. Это она настояла, чтобы Ольга взяла сына и брата и приехала к ней в Москву. Ольга долго тянула, хотя жить в обстреливаемом городе без воды было тяжело.

После оплаты аренды за квартиру на жизнь у семьи остаётся только маленькая пенсия Анвара по инвалидности

Воду добывал Анвар: садился на велосипед, брал несколько баклажек и ехал на криничку. Отстоять очередь, набрать воды — уходило несколько часов. Воду экономили: «Десять литров на еду, помыться — баклажка на человека. Бывает, постираешь, а воду оставляешь для туалета».

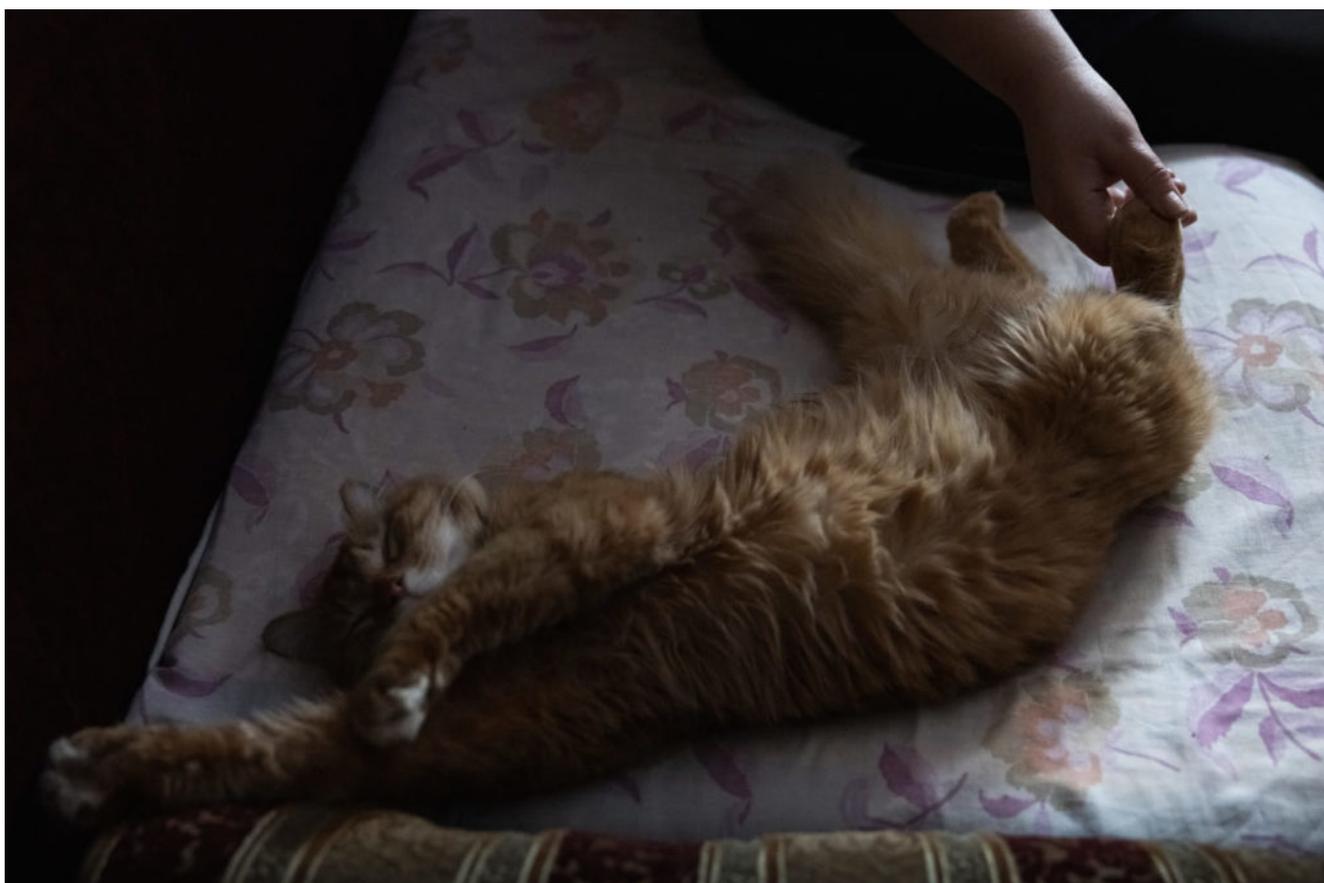
Спали на всякий случай одетыми. Ольга привыкла просыпаться от рёва самолёта и, обливаясь холодным потом, пригнувшись, бежать на балкон: что на этот раз? В ноябре 2022 года ночью снаряд попал в соседний частный дом, убило мужчину. Тогда «страх переполнил организм», и Ольга решилась на отъезд.

Племянница нашла машину, купила билеты на поезд из Ростова в Москву. Ольга собрала чемодан, запихнула в клетчатую сумку лекарства. Георгия везли в кресле-коляске. Паспортный контроль прошли быстро, в Москве вся семья обменяла паспорта ЛНР на паспорта Российской Федерации.

Жили сначала у племянницы, но Ольга не хотела её стеснять, стала искать квартиру. С третьего раза нашла подходящую: рядом железнодорожная станция, поликлиника, магазины. Племянница продолжает помогать тёте,

заказывает ей доставку продуктов.

Ольга хочет выйти на работу, её звали поваром в школу неподалёку, но не с кем оставить Георгия. У него может случиться эпилептический приступ — тогда нужен укол. Анвар не справится, на него надежды нет. Иногда заходит помочь соседка, но она не медик, да и просить неудобно. А сиделке с медицинским образованием надо платить, «то на то и выйдет». И, если выйти на работу, потеряешь пособие по уходу за Георгием. Ольга всё посчитала.

Кота Дюрасела Ольга называет «красавец мой». Его, как и сына с братом, она вывезла из Луганской области в ноябре 2022 года

Пенсия Георгия сейчас — 22 тысячи рублей, пособие Ольги по уходу за сыном — 10 тысяч, 31 тысяча уходит на оплату жилья. Брат Анвар получает свою пенсию — 7800, на это и живут. За продуктами наборами Ольга иногда ездит в комитет «Гражданское содействие», одежду себе не покупает — носит ту, в которой уезжала из дома. «Даже желания нет, сейчас всё дорогое. Лифчик — 450 рублей. Хожу — смотрю».

Первое время семье помогал фонд «Дом с маяком», звали даже поехать с сыном на выходные за город: Ольге — бассейн и салон красоты, Георгию —

сиделку и медсестру. Но Ольга побоялась: «Как я оставлю сына с чужим человеком и пойду купаться? Страшно, что они что-то не так сделают, а мне потом расхлёбывать. Я знаю, как его взять под голову, как положить, как повернуть, а медсестра не будет знать, что с ним делать, он же не разговаривает! А если что случится? Я себе не прощу».

Ольга разогревает котлеты, кормит Георгия. Нажимает на кнопку — спинка кровати приподнимается, это подарок фонда «Дом с маяком». Ещё фонд купил Георгию инвалидную коляску: у старой провалилось дно. Ольга решила получить за неё компенсацию в Пенсионном фонде, подала все документы, но там ответили: «Денег в бюджете пока нет, ждите». Прошёл месяц, закончилось лето.

Ольга написала письмо Путину — не помогло. Написала в «Единую Россию», и перед муниципальными выборами её пригласили в Реутов на встречу с депутатом. Ольга не помнит его имени, говорит только, что «фамилия была абхазская».

Депутат, выслушав Ольгу, достал из портфеля пять бумажек по пять тысяч рублей: «Вот ваша компенсация». Ольга испугалась, что «это не по закону», стала отказываться:

— Мне аж выть хотелось: а вы залезьте в мою шкуру и посмотрите хоть один день, как там. Вы думаете, это легко — ходить и деньги выпрашивать? Бабе, которая может сама заработать, но прикована к сыну.

Ольга, «как парализованная», взяла у депутата деньги и пошла прочь.

— Мы жили в мирное время. Кто бы мог подумать, что так произойдёт? С кем война, зачем война? Эта война не для нас — это сделали наши чины, а люди просто как инструмент попали в мясорубку. Я не ругаю Путина за то, что он внедрился в 2014-м и помог нам: если бы не он, по нам бы катком прошлись. Вэсэушники подошли к [нашим границам](#), а когда мы приняли независимость, им это не понравилось. Я думаю, победа будет за нами. Добро должно победить, но жизнью ещё унесёт о-го-го сколько.

Ольга снова вспоминает свою жизнь до войны:

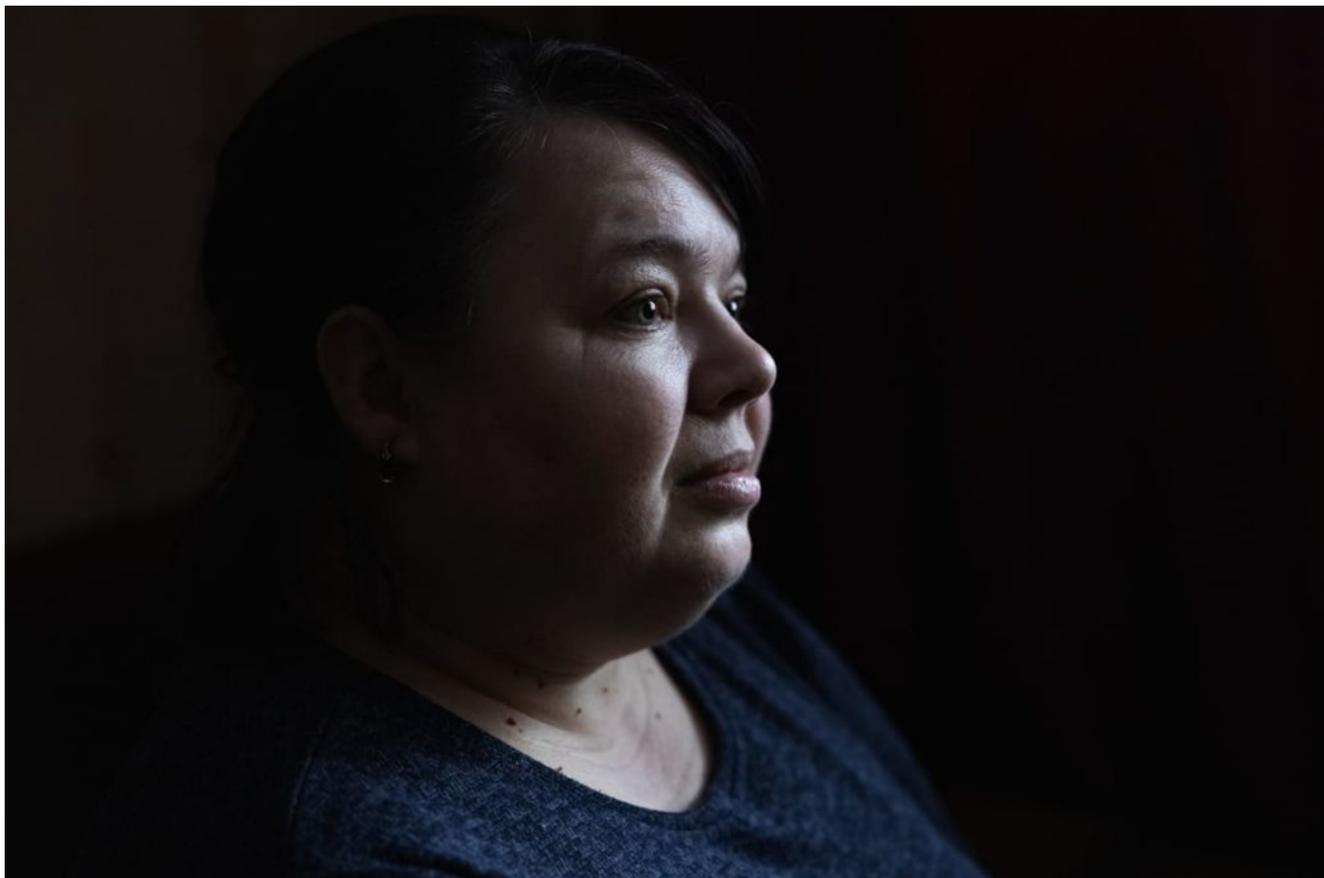
— У нас была стабильность, мы могли заработать, мой день рождения в ресторане праздновали. А теперь сижу ребусы решаю: или коммуналку заплатить, или трусы купить. Копаюсь как жук навозный, что-то придумываю, прошу, занимаю. Второго декабря было ровно семь лет, как Олега нет. Мы поминали, я сижу и говорю: «Вот кому ты доказал свою смелость? Так хоть надежда на тебя была, а сейчас что? Мне не тяжело? Тяжело. Ты своему народу нужен? А военное командование позаботилось о твоей семье, в которой остался ребёнок-инвалид без папы? Командиры твои сейчас где-то жируют, генералов и майоров наполучали, а ты сгнил уже, а семья твоя бедствует».

Страхи

На днях Ольга в очередной раз бегала по врачам и «бодалась с Минздравом»: добивалась, чтобы Георгию выдавали жизненно необходимые препараты. Ведомства волокитят, Ольга готова ждать: «Другого выхода нет».

Иногда помогает сын Володя — на день рождения прислал Ольге пять тысяч рублей. Он по-прежнему живёт в Крыму, работает в пиццерии, вместе с девушкой снимает квартиру, но хочет взять «двушку в ипотеку». Володя думает пойти воевать, ведь «там много платят».

— Вот у Жорочки закончилось противосудорожное лекарство, 2100 рублей стоит, мы уже неделю не принимаем — нет денег. Рассказываю Володе, а он: «Как мне это надоело, хочу пойти [на войну] заработать, чтобы ты ни в чём не нуждалась!» Каждый день сердце болит: хоть бы он поменял своё решение. Недавно друг его Сашка погиб, 21 год мальчику, пошёл воевать. Похоронка пришла — убили. Я говорю Володе: «Если с тобой что случится — всё, наш род оборвался. Тогда хоть распишитесь, если уж за деньги идти, то пусть она получит, если что...» Не красят эти миллионы никого. У меня подружка похоронила мужа, а потом сына. На кладбище через день ходит, вся чёрная как смерть. Не может простить себе.

На вопрос, есть ли у неё мечта, Ольга отвечает, что она «как у всех матерей»: мир, спокойствие и достаток. «Чтобы мой ребёнок ни в чём не нуждался и государство обратило на нас внимание и немножко облегчило нашу жизнь».

Брат Анвар пришёл домой только под вечер: оказалось, он прибился к дворникам и помогал чистить подмосковные тротуары от снега.